



Михаил
Романов

Владимир
Кошечев



ИМПЕРЕЦ

РАНГ 2. БОЕЦ



Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Р69

В оформлении использованы иллюстрации:
© Calvinda Risky Adiputra, dhtgip /
Shutterstock.com <<http://shutterstock.com/>> / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com <<http://shutterstock.com/>> / FOTODOM

Иллюстрация на переплете *Юлии Пасынковой*

Леттеринг *Виктории Лукьяновой*

Романов, Михаил.

И54 Имперец. Ранг 2. Боец / Михаил Романов, Владимир Кощеев. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-227822-8

Сорвав покушение на цесаревича, Александр Мирный приобретает неожиданных союзников и новых врагов. Молодой маг успевает не только учиться и развивать магический потенциал, но управлять бойцовским клубом, участвовать в гонках и ходить на свидания. Напряжение между «франкциями» аристократов растет, в столице неспокойно, и из-за границы приходят тревожные вести — какую роль в грядущих событиях приготовили для простого студента? От ученической скамьи до политических интриг — путь нашего попаданца только начинается.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-04-227822-8 © Романов М., Кощеев В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1



Москва, раннее утро

— Сколько тут? — спросил Серов, выглядывая из окна квартиры, откуда был сделан снайперский выстрел.

— Метров семьсот, — ответил другой мужчина, прохаживаясь по старой, разбитой квартире, пожилая владелица которой была аккуратно запакована в пакет несколько часов назад коронерами. — Точнее скажет экспертиза.

— Угу... — задумчиво проговорил Серов, продолжая смотреть из окна на переулок, в котором суетились сотрудники разных ведомств, периодически переругиваясь между собой.

— Это не похоже на разборки между родами, — заметил следователь, внимательно глядя на Серова.

— Угу, — согласился безопасник.

— Если кто-то хочет, чтобы мы вели расследование, то на наши вопросы нужно давать ответы, — немного с вызовом произнес его собеседник, вздернув подбородок.

— Лучше бы тебе не знать ответы на те вопросы, Вадим, — вздохнул Серов.





— Я и так весь в подписках о невыезде и неразглашении, как новогодняя елка в игрушках, — усмехнулся следователь.

— Вот и не увеличивай себе головняк. Я постараюсь забрать это дело, но пока вся лестница прочихается, сам понимаешь, тут уже новый стрелок вырасти успеет. Постарайся отработать максимально по горячему. А я постараюсь тебе премию сообразить.

Следователь посмотрел в окно, из которого стрелял снайпер, и проговорил:

— Ты, главное, прежде чем в кальянную идти, убедись, что хозяина нет. А то, когда я там был, он орал так, что меня, кажется, снова контузило.

Серов поднял глаза к потолку в разводах и трещинах и пробормотал:

— Господи, мне же до отпуска один день остался. Не могли они все подождать до завтра?

Москва, кальянная, некоторое время спустя

Василий Прокофьевич Шульгин — владелец кальянной, уважаемый мужчина, глава рода Шульгиных, почетный член Промышленной фракции — в гневе был страшен. Об этом знали все его родственники, все его слуги, все подчиненные.

Несмотря на тяжелый вспыльчивый характер, Василий Прокофьевич был мужчиной крайне справедливым, щедрым и умным. А как наследственный представитель купечества, он обладал феноменальной чуйкой и бульдожьей хваткой. И сейчас понимал,





что произошедшее в стенах его кальянной и рядом с ней — это, конечно, чудовищно в принципе, ведь люди погибли, покалечились, пострадали. Но что ему до каких-то там людей, когда на кону многомиллионные инвестиции в заведение, чья репутация оказалась под ударом? Никакому делу не пойдет на пользу, если на твоих клиентов нападают не то что на пороге — внутри заведения!

— Вы хоть знаете, сколько стоит интерьер моей кальянной?! Кто возместит мне убытки? Я честный предприниматель, ни в каких родовых разборках аристократов не участвую! Неужели никто не защитит честного человека?!

Нельзя сказать, что подъехавшие сотрудники спецслужб его не понимали. Очень даже понимали.

В узком коридоре кальянной устроили драку несколько людей, часть из которых, очевидно, была профессиональными военными, а другая — не менее профессиональными наемниками. Только вмонтированные в периметр заведения блокираторы магии позволили избежать случайных жертв. Ну и оперативно отработавшая охрана, вызвавшая частных контрактников, на которых Шульгин в свое время не поспешил. Но развороченному коридору от этого легче явно не было. И его владельцу тоже.

Но когда к орущему хозяину заведения подошел неприметный человек в скучном сером костюме, господин Шульгин мгновенно захлопнул рот, и все сотрудники — и кальянной, и приехавших спецслужб — выдохнули с облегчением.





— Василий Прокофьевич, — обратился к нему Серов тихим и усталым голосом.

Шульгин в принципе вертел всех этих оперов, следов и силовиков на одном продолговатом предмете. Но в присутствии этого человека хотелось держать рот закрытым и вытянуться по струнке даже ему, прожженному торгашу.

— Я понимаю ваше негодование, — продолжил Серов, смотря в глаза Шульгину тяжелым, немигающим взглядом, — и поверьте, разделяю его. Но, уверен, если вы непричастная, безвинно пострадавшая сторона, наша славная империя позаботится о том, чтобы вам возместили все убытки.

Василий Прокофьевич улыбнулся, мгновенно почуввав небезынтересные перспективы, и сделал широкий жест:

— Ну тогда милости просим. Если ваши люди позволяют моим сотрудникам воспользоваться кухней, мы даже с радостью накормим вас и всех тех, кто сегодня оказался заложником этого чудовищного происшествия.

Не то чтобы Шульгин хотел кормить полицейских, но гостей, которых они задержали, попотчевать было просто жизненно необходимо, чтобы хоть как-то сгладить негативные впечатления от произошедшего. Однако кормить одних и не кормить других определенно было нельзя, так что на фоне общих убытков пара десятков сытых и чуть менее агрессивных сотрудников государя — в пределах погрешности от огромного минуса на балансе по итогам сегодняшней ночи.





Серов не то чтобы хотел идти навстречу этому лавочнику, но среди гостей были благородные, богатые, а среди работающих сотрудников — порядком охреневшие от усталости ребята, попавшие сюда в конце смены.

А он сам просто банально хотел кофе и откусить голову тому уроду, что сорвал его отпуск. Но, судя по всему, последнее произойдет нескоро, так что хотя бы кофе.

— Кухней — это можно устроить, — кивнул Серов и окликнул кого-то из сотрудников в штатском. — У вас же найдется кофе?

— Обижаете, — широко улыбнулся Шульгин. — Может, хотите попробовать кальян?

— Может, и хочу, — пробормотал Серов, размышляя, что с паршивой овцы — хоть шерсти клок.

Раз уж отпуск теперь долго не обломится.

Москва, Лубянская площадь

АЛЕКСАНДР МИРНЫЙ

Я лежал на койке, заложив руки за голову, и дремал.

Небольшая комната размером примерно три на четыре шага вмещала в себя только лежанку, унитаза и раковину, из крана которой размеренно капала вода.

Кап-кап-кап...

Свет мог бы попадать сквозь крошечное окошко, но оно было заколочено. Лампа в комнате не горела,





но глаза давно привыкли к темноте. Впрочем, рассматривать было особенно нечего, так что и смысла в источнике света не было.

Сложно сказать, сколько времени я здесь провел, но магические блокираторы уже перестали ощущаться чем-то инородным. А если считать по кормежкам раз за сутки — то шел третий день.

Кап-кап-кап...

Нельзя сказать, что меня прямо били при задержании — я не особенно-то и сопротивлялся. Так, пару раз приласкали для профилактики. Оно и понятно — слишком уж у меня неприглядная биография выходила.

А в остальном ничего интересного.

Кап-кап-кап...

Лубянку я узнал по куску фасада, который умудрился рассмотреть в зарешеченной машине. Странное дело, мир другой, а судьба у здания та же. Меня даже допрашивать не стали, просто швырнули в конуру и оставили.

Как будто бы забыли.

Кап-кап-кап...

Интересно, здесь был свой Магго или нет?

Кап-кап-кап...

Вода капала, и капала, и капала, а я лежал в тишине и размышлял о том, что все не так уж и плохо. Здесь хотя бы кормят чем-то похожим на еду раз в день. А то в моей практике бывали случаи, когда питаться было нечем.

Однажды дочка случайно наткнулась на мои старые-старые фотографии. Мы там с еще парой парней





и овчаркой на фоне каких-то развалин. Милый ребенок спросил, как звали собачку, и живо заинтересовался ее дальнейшей судьбой. А я по пьяной дури взял и ляпнул правду, что Мухтара нам потом пришлось сожрать.

Ребенок рыдал, жена орала, а я чувствовал, что реальность ускользает.

Кап-кап-кап...

Странно, что я не заметил, что Ивана, точнее, цесаревича Ивана Дмитриевича Романова, постоянно пасут. И мутные мужики, курящие у пивнухи, и какая-то гоп-компания, слоняющаяся по улице, и переругивающиеся клиенты в баре, и даже влетевший за нами в проституттошную клиент со слишком трезвыми глазами — ведь явно парня сторожили.

Старею...

Хотя формально молодею.

Словом, совсем расслабился.

Кап-кап-кап...

Не хотелось бы, конечно, отдавать жизнь за царя таким дебильным образом. Мне бы лучше на острие атаки, чем сгнить в клетке. Но, боюсь, прокурором мне уже точно не стать.

Кап-кап-кап...

Кап-кап-кап...

Кап-кап-кап...

Со зверским скрежетом провернулся замок в двери, и она распахнулась. Свет из коридора показался ослепительно ярким даже сквозь прикрытые веки.





— На выход! — рявкнул мужской голос, и мне пришлось открыть глаза.

Я медленно сел, жмурясь от света.

— На выход! — повторил голос из коридора, и я понял, что боец сопровождения в мою конуру не входил.

Бойтся.

Я обулся и, потянувшись так, что приятно хрустнула пара суставов, вышел.

— Следуйте за мной, — произнес солдатик и пошел вперед.

Сзади меня конвоировали еще двое, и у всех троих автоматы были сняты с предохранителей.

Хмыкнув, я пошел по длинным скучным коридорам со стенами, выкрашенными масляной краской мерзотного зеленого цвета, дешевым кафелем на полу и железными дверями с номерами без всякого порядка. Двери некоторых камер были распахнуты, демонстрируя пустое нутро, двери некоторых — закрыты. К кому-то приставлен даже почетный караул. В коридоре было настолько потрясающе тихо, что звуки наших шагов разносились гулким эхом.

Просто место вне времени и пространства.

Наш довольно продолжительный переход окончился в допросной. Обычная такая, ничем не примечательная допросная комната. В которой меня уже ждал особист.

— А вот и наш террорист! — радостно, словно я — выигрышный билет в лотерее, заявил мужчина, по роже которого я мог сразу определить — не работаем.





Особист был мужчиной яркой внешности, какая бывает, когда два совершенно разных народа пересекаются. Я помню из прошлой жизни парня наполовину дагестанца, наполовину латыша, у которого — на лице с идеальными пропорциями голливудской внешности красовался чисто кавказский профиль. И вот здесь было что-то похожее, что в толпе явно не затеряется.

Я без разрешения плюхнулся на жесткий стул с удобной спинкой и посмотрел на собеседника.

— Ну, рассказывай, — предложил он.

Я выразительно приподнял брови, и особист продолжил:

— Как зовут, сколько лет, где учился, есть ли семья, как собирался убить цесаревича?

Господи, их как будто в одной фабрике для мудаков культивируют.

— Александр Мирный, восемнадцать лет, первый курс Императорского Московского университета, сирота, не женат, детей нет, не собирался, — ответил я.

— Эх, такой молодой, а такой глупый, — картинно вздохнул особист. — Давай еще раз: как зовут, сколько лет, где учился, есть ли семья, как собирался убить цесаревича?

*Тем временем там же,
несколькими этажами выше*

Антон Васильевич довольно спокойно относился к телефонным звонкам и никакого трепета перед вызовами от начальства не испытывал. Но третьи





сутки почти без сна могут превратить любого самого спокойного человека в злую псину.

— Серов, а где пацан? — спросила трубка голосом боярина Нарышкина.

— Какой пацан? — раздраженно спросил Серов, откладывая бумаги и потирая уставшие глаза.

— Пацан, Серов. Пацан, который с цесаревичем во дворе махался. Его высочество изволил очухаться от сотрясения и теперь задает мне очень неудобные вопросы.

— Пацан... — задумчиво повторил Серов. — Пацана наши приняли, думаю, со всеми телами в том дворе и увезли.

— И куда увезли? — задал навояющий вопрос Виктор Сергеевич.

— Ну, к нам, наверное.

— А «к нам» это куда?

— Сюда... — мрачно ответил Серов.

— И чтобы придать тебе должного ускорения, должен сказать, что пацан этот Его высочество из-под снайперской пули выдернул.

Серов застонал.

— Ага, улавливаешь суть проблемы?

Антон Васильевич выругался длинно, витиевато и совершенно не стесняясь в выражениях. Это ж надо было засунуть парня в застенки и отправить по общему этапу! Господи, понаберут идиотов по объявлению, а нормальные люди за них краснеют.

— В общем, Иван Дмитриевич страстно желает видеть друга, а Дмитрий Алексеевич — меня с докладом. Так что ускоряйся.





Нарышкин нажал отбой, а Серов с тоской подумал, что до пенсии ему как до Владивостока пешком. Возможно, даже не дойдет.

Там же

АЛЕКСАНДР МИРНЫЙ

— Я уже все вам сказал, — спокойно ответил я, когда товарищ особист в очередной раз задал свои одинаковые вопросы.

Наверное, эта техника допроса должна была бы вывести меня из состояния равновесия, но из состояния равновесия пока выходил только особист.

В принципе, задавать одни и те же вопросы раз за разом — несложная работа. Сложно слушать одинаковые ответы, следить за позой, мимикой и жестами допрашиваемого. Нужно иметь высокую концентрацию. А иметь высокую концентрацию, когда расслабленно сидящий перед тобой пацан не боится ни тебя, ни твоих угроз, ни ужасных перспектив, которые ты ему красочно рисуешь, — сложно.

Короче, батин талант бесить людей явно пригодился мне и здесь.

В дверь допросной уверенно и сильно постучали, заставив особиста недовольно поджать губы и выйти из комнаты. Я прикрыл глаза и постарался прислушаться. Гул голосов доносился, но дверь скрадывала слова.

Впрочем, секунду спустя я по контексту происходящего догадался о сути разговора.

